

УДК 94+271.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/3

Идея Русской земли в церковной прессе Российской империи конца XIX – начала XX в.*

А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Авторское резюме

Понятие «Русская земля», употреблявшееся древнерусскими летописцами и продолжающее использоваться в современном мире, является одним из ключевых составляющих в системе русской идентичности и базисных традиционных духовно-политических ценностей русского народа. Его содержание, обладающее множеством смыслов, исследуется и анализируется историками, философами, филологами. Однако, несмотря на обширную исследовательскую литературу по данному вопросу, в российской и зарубежной историографии не существует консенсуса о формировании и значении концепта «Русская земля». Основное внимание исследователей уделено использованию данного концепта и его содержанию в летописных источниках, художественной литературе, историографии, современном медиапространстве. В данной статье впервые рассматривается использование идеи Русской земли в официальной церковной периодике Российской империи конца XIX – начала XX в., в которой этот концепт часто использовался и наделялся определенными смыслами и характеристиками. В научный оборот впервые вводятся тексты публицистов, касающиеся осмысления понятия «Русская земля», публиковавшиеся в официальных церковных изданиях различных областей Российской империи с 1880-х по 1917 г. В статье отмечается, что понятие «Русская земля» было характерным и типичным для церковных проповедей, воззваний, пастырских бесед и статей, написанных представителями православного духовенства, миссионерами, преподавателями ду-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля”: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.».

ховных школ. Доказывается, что в позднеимперской церковной публицистике концепт «Русская земля» занимал важное место, а его содержание отличалось весьма глубоким смысловым наполнением. Особое внимание в публикации уделено наиболее часто встречающимся в церковных изданиях религиозной, государственной, народной, исторической и географической составляющим концепта «Русская земля», его соотношению с такими понятиями как «русский мир» и «Святая Русь».

Ключевые слова: Русская земля, русский мир, Святая Русь, Российская империя, церковная пресса, церковная публицистика, епархиальная печать, история русской идеи

The concept of the “Russian Land” in the church press of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century*

Andrei A. Ivanov

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Abstract

The concept of “Russian Land,” used by Old Rus’ chroniclers and enduring into the modern era, constitutes a fundamental element within the system of Russian identity and core traditional spiritual-political values. Its polysemic nature has made it a subject of study for historians, philosophers, and philologists alike. Nevertheless, despite a substantial body of scholarly literature, Russian and foreign historiography have yet to reach a consensus regarding the formation and meaning of the “Russian Land”. Existing research primarily focuses on its usage and semantic content within chronicles, literary works, historiography, and the contemporary media landscape. This article presents the first study of the concept’s deployment within the official church periodicals of the Russian Empire during the late 19th and early 20th centuries—a context where it was frequently invoked and imbued with specific meanings. It introduces into scholarly discourse, for the first time, the relevant texts of church publicists discussing the “Russian Land,” drawn from official diocesan publications across various regions of the Empire from the 1880s until 1917. The analysis demonstrates that the concept was pervasive

---

* This research is supported by the Russian Science Foundation, Project no. 24-18-00294 “Russian World” and “Russian Land”: historical and socio-political aspects of the problem of national identity in the journalistic discourse of the mid-19th – early 20th century.

and integral to church sermons, pastoral addresses, appeals, and articles authored by Orthodox clergy, missionaries, and theological academy instructors. The study argues that in late Imperial religious journalism, the “Russian Land” occupied a significant position, characterized by a profound semantic depth. Particular attention is paid to the most recurrent components of the concept found in these publications: the religious, state, popular, historical, and geographical dimensions, as well as its interconnection with such related notions as the “Russian World” and “Holy Rus”.

Keywords: Russian Land, Russian World, Holy Rus, Russian Empire, church periodicals, church journalism, diocesan periodicals, history of the Russian idea

Концепт «Русская земля», являющийся одним из ключевых аспектов исторической памяти народа и самоидентичности, давно привлекает внимание историков, филологов, философов, изучающих его происхождение и содержательное наполнение. Со времен древнерусских летописей это понятие обозначало не просто территорию, но и особое единство народа, веры и культуры. «“Русская земля” – одно из важнейших понятий в системе русской идентичности», – пишет О.Б. Неменский [24: 66]. При этом, как справедливо отмечает другой современный исследователь, «в науке, как отечественной, так и зарубежной, до сих пор не прекращаются споры о происхождении названий русь, русский <...> до конца не определены и понятия, этими словами обозначаемые. Не существует и единого мнения о формировании и значении концепта Русская земля» [37: 53]. О том же пишет известный московский историк С.В. Перевезенцев, указывающий, что «в научной традиции пока не сложилось единого представления о содержании и сущности комплекса российских базисных традиционных духовно-политических ценностей» и «практически отсутствуют исследования, в которых бы не просто анализировались те или иные понятия и ценностные блоки, но изучался сам процесс формирования... духовно-политических ценностных понятий, оказавшихся важными для становления и существования российской цивилизации» [27: 151]. К таковым понятиям историк относит и концепт «Русская земля», отмечая, что понятие «земля» обладает в славянском мировоззрении важными характеристиками, а непосредственно в русском языке это слово всегда имело «самые широкие смыслы» (земля, как место обитания людей; земля, как основание чего-либо, низ; земля как поверхность; земля, как одна из четырёх стихий; земля, как суша, «твердь»; земля как почва, верхний слой; земля, как страна, государство, край и т. д.) [27: 151–152].

Вместе с тем историография данного вопроса достаточно обширна. Исследователи уделяют особое внимание использованию этого

концепта и его содержанию в летописных источниках [6; 20; 38], рассматривают его использование в художественной литературе [28], изучают его как базовое понятие русской идентичности [24] и как важнейшую категорию русской духовно-политической мысли [27]; разбирают становление понятия в историографии [16] и его место в современном медиадискурсе [12]; анализируют коммуникативные значения составного наименования «Русская земля» [3]. Имея сложную семантическую структуру, концепт «Русская земля» за тысячелетнюю историю оброс множеством смыслов и трактовок, приобрел большую значимость в качестве важной составляющей русской идеи, русской языковой картины мира, став в то же время мишенью информационных атак и манипуляций [33]. Цель данной статьи – реконструкция и анализ трактовок идеи Русской земли в официальной церковной периодике Российской империи конца XIX – начала XX в., в которой не только весьма часто использовался этот концепт, но и предпринимались попытки наполнить его конкретным содержанием, дать ему объяснение, понятное широкой массе воцерковленных читателей – православному духовенству и его пастве.

Контент-анализ официальных церковных изданий, выходявших в Российской империи со второй половины XIX века по 1917 г. (епархиальных «Ведомостей», «Вестников» и «Известий»), показывает, что понятие «Русская земля» было весьма характерно и типично для церковных проповедей, воззваний и пастырских бесед, написанных представителями православного духовенства, а также статей других авторов, опубликованных на страницах епархиальной печати. При этом в подавляющем большинстве случаев этот концепт использовался без какого-либо разъяснения, как нечто само собой разумеющееся, интуитивно понятное каждому русскому православному человеку, не нуждающееся в подробном разборе. При этом смысловые составляющие понятия «Русская земля» могли быть разными. Не ограничиваясь исключительно религиозными сюжетами, церковные авторы затрагивали и национально-политические вопросы [14; 18; 43]. Упомянув Русскую землю, авторы, публиковавшиеся на страницах церковной печати, могли иметь в виду общее религиозно-культурное пространство, государство, страну, населяющий ее народ или народы, географию и историю. В связи с этим рассмотрим на конкретных примерах наиболее характерные и часто встречающиеся в церковной публицистике рассматриваемой эпохи примеры употребления концепта «Русская земля».

Русская земля как географическое понятие

Задаваясь вопросом, что есть Русская земля, один из церковных авторов рассуждал: «Русская земля в сорок раз больше Германии. Русская земля занимает половину Европы и больше трети (две пятых) Азии. Русская земля занимает шестую часть суши всего света, т. е. всего земного шара. Господь, от единой крови произведший весь род человеческий, здесь назначил предопределённые времена и пределы обитания народу русскому (Деян. 17:26), который и расселялся по этому обширнейшему пространству в продолжение тысячи слишком лет. На этом пространстве встречаются весьма разнообразные географические условия, разнообразная обстановка, в среде которой русским людям приходится трудиться. Тут горы и зелёные равнины, степи и луга, по которым голубыми лентами текут к востоку, северу, западу и югу величайшие в мире реки, с их многочисленными притоками, и бесчисленные ручьи; тут необозримые поля разнообразных хлебов, на которых зреют золотистые жатвы; тут бесконечные дремучие леса и рощи, из которых строится наша деревянная Русь; тут тёмные недра земли, в которых хранятся неизведанные сокровища. А эти океаны и моря, окаймляющие границы, а эти бури и снежные вьюги, окутывающие нас снежным покровом, а это солнце и тепло, дающие благорастворение воздуха, и этот свод небесный, покрывающий нас своим звёздным шатром – все это и многое другое есть Русская земля» [15: 194].

Очевидно, что в данном случае концепт «Русская земля» раскрылся через географические сведения о Российской империи, а также поэтическое и идеализированное восприятие природы родной земли. Сознательно избегая излишней конкретизации, автор взывал к чувствам читателя, стремясь пробудить в нём гордость и любовь к той обширнейшей и многообразной территории, на которой раскинулась империя, обращал внимание на красоту Русской земли. Устойчивость данного приёма при раскрытии представления о родной земле наглядно демонстрирует тот факт, что он широко применялся и в послереволюционное время. Показательно, что приведённый выше текст из церковного издания начала XX в. во многом перекликается с известной советской патриотической песней 1936 г., ставшей, в некотором роде, неофициальным гимном СССР – «Широка страна моя родная», автор текста которой В.И. Лебедев-Кумач с первых же строк задавал масштабность и подчеркивал необъятность Родины, делал акцент на бескрайних просторах страны, простирающейся «с южных гор до северных морей», множестве «лесов, полей и рек», на нивах, которые «взглядом не обшаришь». Отметим, что и в сов-

ременной России одним из коммуникативных значений концепта «Русская земля» является представление о ней, как о «совокупности характерных для местности, на которой проживает русский народ, особенностей растительного мира, определяющих национальную ментальность россиян» [3: 121].

Как отмечает С.В. Перевезенцев, «с XVI в. понятие “Русская земля” перестает быть синонимом понятия “государство”, но приобретает новый символический смысл – “общая территория» [27: 161]. В церковной публицистике конца XIX – начала XX в. понятие «Русское земля» также довольно часто выходило за государственные рамки Российской империи. Такой же Русской землёй, как губернии и области, входящие в состав Российского государства, являлись для церковных авторов территории, некогда составлявшие со средневековой Русью единое государственное, историческое и духовно-культурное пространство. Никто из авторов, публиковавшихся на страницах церковной периодики указанного периода, не сомневался в том, что оказавшиеся под властью Австро-Венгрии Галиция (Червоная Русь), Буковина (Зелёная Русь), Закарпатье (Угорская Русь) являются точно такой же Русской землёй, как и Великороссия, Малороссия, Белоруссия и другие территории Российской империи, а их население – малороссы, русины, карпатороссы – неотъемлемой частью большого русского народа, единого русского мира. «...Прикарпатская Русь по преобладающему своему населению – это русская земля, – писал автор “Православной Подолии”. – Русская она и по своей истории. Главная часть Прикарпатской Руси это – Галиция» [11: 76]. Во время Первой мировой войны другое церковное издание отмечало: «Победное движение русских войск в Галичине окрыляло всех надеждою, что эта исконно-русская земля и сопредельная с нею Буковина и угорская Русь после долгих лет томления под мадьярским и немецким игом, наконец, войдут в состав российского государства» [32: 360].

Русская земля как духовное и религиозное пространство

По очевидным причинам акцент на духовном и религиозном характере Русской земли был для церковной прессы доминирующим. «Русская земля – это наша святая Церковь и православная вера, под благодатным осенением которой мы родились, основали свои семьи, делали свои дела и под благословением которой мы умрём, та вера, которая утешала нас в скорбях и бедствиях, возвышала в радости, воодушевляла мужеством и всегда давала сердцу неиссякаемую уладу, – отмечал один из церковных авторов. – Русская земля – это русские храмы и монастыри, русские подвижники и святители, это

Пётр и Иона, Алексей и Филипп, Митрофан и Тихон, Сергей и Серафим, Феодосий и Иоасаф, Питирим и весь сонм святых мужей и молитвенников за царя и народ, словом, – это вся небесная святая Русь, под покровом которой живет земная Русь» [15: 195].

Церковные авторы также подчеркивали, что Русская земля – это сакральное пространство, ибо это не только территория, государство, населяющий его народ, но и православные святыни: «честные мощи русских святых, чудотворные иконы, древние чтимые храмы с различными священными их принадлежностями» [40: 1202].

В 1888 г., когда на страницах церковной печати отмечалось 900-летие Крещения Руси, многие авторы отмечали, что событие это ознаменовало духовное рождение Русской земли, поскольку в 988 г. она «озарилась светом истинной веры и осветилась под кровом Церкви Божией» [36: 119]. «Светом этой веры, – писал преподаватель Могилевской духовной семинарии И.П. Трусовский, – избавилась земля Русская от тьмы языческого идолослужения, и русские люди, став христианами, научились веровать в Бога в Троице славимого, познали своего Спасителя Господа Иисуса Христа» [36: 127]. Отмечая значимость крещения для Русской земли, церковный автор заключал: «здесь – высокий завет нам свято хранить и возвращать то наследие, которое дано нам нашими предками, среди которого воспиталась и выросла наша Русская земля, которое возростило духовно и нас самих» [36: 128]. Отождествляя Русскую землю со Святой Русью, в назидательных целях идеализируя средневековую Русь и ставя ее в пример современному ему русскому обществу, один из церковных авторов писал: «Уже в XI веке вся Русь превратилась, можно сказать, в один громадный монастырь, и с этого времени уже стала созидаться именно святая Русь» [21: 381–382]. В годы Первой мировой войны другой церковный публицист выражал надежду, что в «народе проснулась былая мощь и духовное величие», и «Русская земля опять стала “Святою Русью”, и русский народ – народом “Богоносцем”» [25: 9].

В контексте осмысления религиозного призвания Русской земли она также отождествлялась с Третьим Римом. Если для светской консервативной периодики позднеимперской России обращение к идее Третьего Рима не было характерным [35: 127], то в церковной печати оно встречалось значительно чаще. «Когда христианская вера из Иерусалима распространилась по всем пределам древней Римской империи и когда первый христианский государь – святой Константин Великий после двадцатилетнего царствования своего оставил языческий Рим и удалился на Восток и основал Константинополь – новый Рим, чисто христианскую столицу, то отсюда, из этого нового Рима свет христианского учения и благочестия воссиял, между прочим,

и над нашей Русской землёй, именно, еще до отделения западной половины христианской церкви от восточной, т. е., воссиял во всей чистоте и красоте первоначального устройства христианства», – писал священник В. Давыдов [10: 337–338]. Называя принятие веры Русской землёй от Византии «великим актом всеблагото Промысла Божия над Россией», церковный автор подчеркивал, что именно восприятие ею христианства с востока «в самом чистом и неповрежденном виде» позволило не только объединить «полудикие славянские племена и другие древние народности в одно целое государство», которое со временем «из тьмы и ничтожества, озаряемое светом христианства, выступило в силе и мощи на поприще мировой жизни», но и принять эстафету от Константинополя в великом деле сохранения и распространения истиной веры. «После отделения Западной Европы от единства христианского исповедания с Востоком, Русская земля Промыслом Божиим восполнила собою число отпадших от Церкви западных христиан, затем отстояла себя от татарского ига, а когда Византийская империя пала под натиском мусульманства, Россия со своим третьим Римом – Москвою – стала носительницей православно-христианского самосознания и наследницей высших прав Византии, как выразительницы идеала истинно-христианской гражданственности, а вместе с тем и защитницей и покровительницей православия и вообще святынь христианских на востоке» [10: 338].

Церковные авторы также обращали внимание на то, что понятие «Русская земля» неразрывно связано с понятием «Земля христианская». Представитель Екатеринбургской епархии отмечал, что в мировоззрении русского народа, особенно у его малороссийской ветви, слова «крестьянин» и «христианин» часто отождествляются. «...Слово крестьянин, – писал он, – произносится [как] хрестьянин и, таким образом, в народных представлениях уже много веков тому назад отождествились понятия христианин и крестьянин, христианский и крестьянский. Основания для такого сближения дают древнейшие памятники письменности. Так, в житии Бориса и Глеба, составленном, как думают, препод[обным] Нестором, читаем: “так и сему Владимиру явление Божие быти ему крестьяну створи же”. «А вся Русская земля, – о чём говорит не только устная народная словесность, но и сознание современной нам литературы, – вся Россия есть страна земледельческая, страна крестьянская». Наша древнейшая летопись сближает понятия земля русская и земля христианская» [34: 456].

Подчеркивая, что благополучие и процветание народа напрямую связано с его духовно-нравственным обликом и религиозностью, другой церковный публицист, напоминая заветы славянофила А. С. Хомякова, наставлял своих читателей, что без православной веры не

будет ни Русской земли, ни русского народа: «Русский человек не может жить без веры; отступив от нее, он не в состоянии найти себе надлежащей почвы. Тогда он должен будет отказаться от своей роли руководителя и предоставить дело устроения своей жизни другим народностям. Космополитизм русского человека беспринципен и бессилен и означает не что иное, как национализм других народностей» [1: 399]. Автор «Черниговских епархиальных ведомостей» напоминал читателям, что со всеми бедами и испытаниями Русская земля справлялась потому, что для «верных сынов Родины... ничего не было дороже святой православной веры и блага своего отечества. Тогда Русская земля спасена была тем, чем всегда она спасалась в години бедствий и тяжких испытаний, а именно – могучей и несокрушимой силой русского духа, горячо всегда веровавшего в помощь Божию, в заступничество Божией Матери и в молитвы св. угодников и беззаветно любившего все русское и родное» [39: 781]. Рассуждая о том, что было источником несокрушимой духовной силы русского народа, церковный автор писал: «Прежде всего то, что каждый русский человек смотрел на себя, как на человека православного как на члена единой вселенской Церкви, призванного воплощать в своей жизни Христовы заповеди и святить Его великое имя. Тогда жизнь всего русского народа от царских и боярских палат и до лачуги простеца была прежде всего жизнью церковной, по её святым уставам и заветам. Были одни законы – это законы Церкви и правила веры, которые знали все русские люди и страшились быть нарушителями их. Был один голос, к которому все русские люди всегда чутко прислушивались – это голос совести» [39: 781]. Говоря о благочестии средневековых русских людей, автор заключал: «Одним словом, вся Русская земля была как бы одним сплошным монастырём, в котором возносилась хвала небесному Отцу <...> «Знали они хорошо, что как только русская земля перестанет быть русской, она перестанет вместе с тем быть и православной. Оберегая и до крови защищая свою отчизну, наши предки оберегали то сокровище, которое в ней хранилось» [39: 782–783].

Отмечая, что вера Христова из-за бескрайних просторов Русской земли просветила не все народы, её населяющие, редакция «Волыньских епархиальных ведомостей» в воззвании к своим читателям писала: «...В отдаленных краях Русской земли, особенно в Северной и Восточной Сибири, которая была присоединена к Русскому государству уже в позднейшие времена, остается очень много язычников, не принявших Христова учения, а внутри России, в поволжских странах, где некогда жили татары, господствовавшие над Русью около двух веков, также на Кавказе, в Крыму и в недавно присоединенной к

России области Туркестанской, проживает много магометан» [7: 651]. Считая перечисленные территории тоже Русской землей, издание призывало активнее развивать дело православной миссии, чтобы духовно сплотить в единое целое народы империи.

Русская земля как государство

«Русская земля – это созданное русским народом русское царство, во главе с самодержавным русским царём, которому народ русский отдается душою и телом, который всегда спешит на помощь туда, где его крепкая рука всего нужнее, который всюду водворяет порядок, мир и тишину, умеряет внутреннюю борьбу, давая защиту слабому и тем приводя противоборствующие элементы во внутреннее равновесие, который защищает войсками целость и честь своего царства отвне», – отмечал один из церковных авторов, трактуя Русскую землю как государство и государство прежде всего монархическое, управляемое православным царем – Помазанником Божиим [15: 195]. Роль православного государя в концепте «Русская земля» была для дореволюционных церковных авторов весьма значимой. Как отмечал один из них, «вслед за Богом и своим отношением к Нему, народ обращает свое мудрое слово на земного царя: “Бог на земле”: “все Божие да государево”; “без Бога свет не стоит, без царя земля не стоит”. Власть царя должна быть самодержавной, ибо “один Бог, один государь”: “никто против Бога да против царя”. <...> Народ наш глубоко верит, что “русская земля вся под Богом”, и что “русским Богом да русским царем святорусская земля стоит”; и эта вера заставляет его убежденно говорить: “умри да не сходи с родительской земли”, потому что “где возросла сосна, там она и красна”» [23: 729–730]. В этом контексте концепт «Русская земля» стоял в одном смысловом ряду с понятием «Русское царство» и/или «Российское государство».

Центром Русской земли традиционно провозглашалась Москва. «Москва – сердце России. Здесь сложилась русская государственность. Здесь корни тех основ, на которых покоится русская земля. Понятно, что кто мощною рукою укреплял эти корни, кто берег и лелеял русскую государственность, – тот должен быть почтён Москвой», – писал известный миссионер И.Г. Айвазов [4: 710]. Но не забывали церковные публицисты и о древней, «сакральной» [17] столице Русской земли – Киеве. Ведь, как справедливо отмечает современный историк, понятие «Русская земля», как самоназвание государства с центром в Киеве, в X–XII вв. закрепилось в историко-политическом сознании жителей Древней и Средневековой Руси [27: 154]. «Юго-Западный край – край святого равноапостольного князя Владимира,

колыбель русского православия, русского государства и русского народа. Здесь Русь получила святое крещение, здесь был заложен фундамент и возведены первые этажи русского государства, здесь началась историческая жизнь русского народа; отсюда Русская земля озарилась светом православного христианства, отсюда, как говорит летописец, «Русская земля стала есть», – напоминал автор «Церковных ведомостей» [8: 476]. В опубликованном на страницах церковной прессы очерке известного консервативного публициста М.В. Юзефовича, посвящённом преодолению Смутного времени, польской интервенции и воссоединению с Малороссией, подчеркивалось, что Московской Русью не ограничивалась Русская земля, так как ее неотъемлемой, но временно поработенной частью были и Литовско-русская земля, и украинские земли. «...С погибелью Москвы погибала и Россия, – писал Юзефович. – ...[Но] когда достигла до народа весть о пленении Москвы врагом его веры и народности, он вострепнулся и достаточно было одного голоса простолюдина Косьмы Минина, чтоб поднять на этого врага весь Русский Восток: меч спасения был вручен одному из потомков Мономаха, князю Пожарскому, который, приняв этот меч, сокрушил вражью силу и очистил от нее Московскую землю. Но этим подвигом спасена была только Московская Русь, а не вся Русская земля. Для ее спасения требовался еще новый подвиг, новый более решительный удар врагу. Тридцать шесть лет спустя, на Юго-Западе России, раздался другой голос, тоже простого земского человека, малороссийского казака Зиновия Хмельницкого, прозванного Богданом, и тот же православный дух русского народа откликнулся на его призыв, собрал всех до единого под его знамя, вручил ему меч спасения, с которым народный вождь одолел врага и возвратил весь Юго-Запад России под державу отечественного царя. С той поры тяжба России и Польши была решена: на безграничной великой равнине Русской земли должно было осуществиться и осуществилось историческое предопределение, – между семи морей этой земли сложилась единая держава и Польша вошла, наконец, в состав всероссийской империи» [42: 308–309].

В статье, написанной накануне революции 1917 г., автор, характеризуя Русскую землю как государственное тело русского народа, включал в это понятие не только самодержцев и выдающихся деятелей, но и государственные органы, появившиеся в Российской империи в последнее десятилетие ее существования. «Русская земля, – заявлял он, – это наши государи и государственные мужи, это наши защитники и герои, это Владимир Святой, Мономах, Александр Невский, Андрей Боголюбский, Дмитрий Донской, Иоанн Грозный, Петр Великий и Екатерина II, Александр I Благословенный, Николай I, Александр II Освобо-

дитель, Александр III Миротворец и ныне благополучно царствующий Николай II, и все их многочисленные слуги, в мире и войне, в Совете министров и в воинских организациях, в Государственном совете и в Государственной думе, в центральных и местных, в губернских и уездных правлениях и земских учреждениях» [15: 195].

Последнее неудивительно, поскольку после царских слов, сказанных в 1906 г. о том, что Государственная дума созвана монархом «для обновления нравственного облика Земли Русской» [29: 75], церковные авторы, поддерживая пожелания государя, указывали, что истинная Государственная дума должна стать голосом Русской земли и помощницей монарху в ее устройении. «Русский народ, – писал один из пастырей, – теперь призывается царём проявить в жизни эту мудрость во всей красе её, полноте и силе. Правда должна воскреснуть в Земле русской! Лучшие силы России должны возродиться в правде, и сама правда должна воссиять у нас краше солнца! Вместе с тем изменится, конечно, и нравственный облик Земли русской» [26: 390]. Впрочем, следует пояснить, что речь здесь шла о том, какой Государственная дума должна была быть, а не о современных автору реалиях, о которых он отзывался так: «Русская земля находится пока в плачевном состоянии. Какие только беды нас не постигли ныне?! “Глад, губительство, огонь, меч, нашествие иноплеменников, междоусобные брани, крамолы” – все беды, молиться об избавлении от коих всегда наставляла нас св. Церковь, обрушились ныне на нас, сделали нас несчастными, бесславными. <...> Русская земля ныне стала “позором” для всех других народов – не только враждебных, но и дружественно к нам расположенных» [26: 391].

Русская земля как историческое понятие

Концепт «Русская земля» также рассматривался в церковной периодике и как историческое понятие. «Русская земля, – писал анонимный церковный автор, – предлагает своим чадам, чтобы пребывать в истине, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить её, её прошлую жизнь и ее истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внешними наплывами, которых не мог избежать ни один народ новой истории» [1: 399]. «Русская земля, – отмечал другой автор, – это наша русская история, это наши предки, их подвиги и труды, их радости и горе, слёзы и страдания, пролитая ими кровь; это наши воспоминания, сказания, наше бытописание; это всё то, что вспоило и вскормило нас такими, каковы суть русские люди, какова есть русская народность; это – всё наше прошедшее, всосавшееся в нашу плоть и кровь, определившее наши склонности и

стремления, влиявшие на наши привычки и настроение; наконец – это те идеалы, которые объединяли, одухотворяли, оживляли и двигали то исполинское и многостороннее целое, которое мы называем священным именем Отечества и без которых оно не было бы тем, что оно есть. Это те идеалы, которые предносились взору наших предков их созидающей исторической деятельности и которые по преемству восприняты всеми русскими людьми. Это те идеалы, которые связуют прошедшее с настоящим и указуют на будущее» [15: 195].

Рассматривая Русскую землю как совокупность всех на ней когда-либо живших, церковные авторы часто отмечали живую связь поколений и преемственность с предками. Протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский, бывший во время Русско-японской войны полковым священником, после отпевания павшего на поле боя казака, обращаясь к его сослуживцам, сказал: «казаки сейчас продолжают великое дело своих предков – отстаивание чести России и расширение её восточных сибирских пределов... [и] хотя потеря каждого человека, не только для родных, друзей его, но и для всего русского народа тяжела, но в каждой смерти на поле брани есть нечто и отрадное: русская кровь, проливаемая на чужеземных полях, является семенем, из которого вырастает новое величие Русской земли, новая слава; если бы не было потерь, не было жертв, – не была бы так славна Русская земля, не было бы так славно и русское воинство...» [41: 536–527]. Таким образом, Русская земля рассматривалась ещё и как непрерывная связь поколений, подвиги и свершения которых возвеличивали её, а грехи и проступки погружали в смуты и нестроения. Так, вологодский священник Н. Рукин, наставляя паству, писал, что источник бед Русской земли во гневе Божиим, заслуженном «за какие-либо особые грехи, ибо огонь, град, и глад, и смерть созданы на месть нечестивым людям (Сир. 39:36)» [31: 511].

Однако в попытках определить историческое начало Русской земли единомыслия у церковных авторов не было. Одни вели этот отсчет от летописного основания русской государственности, другие – от появления на Руси христианства, третьи – от крещения Руси. Самым же оригинальным был взгляд писателя, историка и филолога, публициста-славянофила П.Д. Голохвастова, который на страницах петербургских «Церковных ведомостей» доказывал, что отсчет этот следует вести с гораздо более ранних событий. Категорически не соглашаясь с тем, что историю Русской земли следует отсчитывать от призвания на княжение Рюрика, Голохвастов предлагал исчислять ее от первоучителей славянских Кирилла и Мефодия. Напоминая, что летописный рассказ говорит о том, что в 852 г. «...наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля», а церковное преда-

ние, запечатленное в «Повести временных лет», и вовсе говорит о появлении апостола Андрея на будущих землях Руси и благословении их, публицист писал: «Следовательно провозвестить, прообъявить, проявить землю все равно, что проявить, провозвестить её крещение; то, чем единственно может земля возместиться к бытию и, став быть, начать именоваться, ся прозывать известными нам синонимами своими: христианством, православием, землёю» [9: 613]. Отмечая, что тверской летописец именно так и понял слова Нестора, Голохвастов заключал, что эти события были семенем, со временем принесшим плод в виде крещения Русской земли. Обращая внимание на то, что в летописи просьба болгар к византийскому императору Михаилу III (858 г.) названа «началом Земли русской», публицист рассуждал: «... Возразят, неужели Нестор был такой панславист, что считал Болгарию за ту же Русь? Да; и не одну Болгарию, а всё православное или становившееся православным славянство считал тою же Русью, и не один Нестор. Все русские люди, изначала даже и до днесь, весь народ, а до Петра и всё общество – такие же панслависты. Птенец гнезда Петрова Татищев первый мог вознегодовать, что ученый малоросс XVII века архимандрит Иннокентий Гизель в Синописе, говоря о крещении болгар, называет их русскими... Откройте Пролог, книгу по ее читателям, как и по составителям, самую народную. Под 14 февраля: память преп. отца нашего Кирилла философа, учителя словенского. Под 11 мая: память преп. отца нашего Мефодия, учителя русского. Прочтите оба жития. Отчего один словенский учитель, а другой русский? Оттого, что, по вековому убеждению наших агиологов, славянство и Русь, славянский и русский – чистые синонимы» [9: 614]. Касаясь значения равноапостольных Кирилла и Мефодия для Русской земли, Голохвастов заключал: «Переложение (церковных книг. – А.И.), как известно, начали св. братья с Евангелия, в порядке зачал церковных, с пасхального Евангелия от Иоанна. Начал св. Кирилл. Когда он перекрестился и написал: “В начале бе Слово, благословил Господь начало земли нашей”. И так вот откуда пошла быть Русская земля, ибо славянский язык и русский одно есть: пошла быть с первоапостолов славянских Кирилла и Мефодия. А с кого она, совершенно уже, стала есть земля: с совершителей Кирилло-Мефодиева дела, с равноапостольных Ольги и Владимира» [9: 623].

Русская земля как синоним народа

Довольно часто концепт «Русская земля» использовался в значении, тождественном понятию «русский мир». Как справедливо отмечает современный исследователь, термин «русский мир» в XIX в. был весьма популярным благодаря распространению славянофильских

идей и в рамках славянофильского дискурса часто использовался в двух значениях: «как обозначение культурно-языковой общности или как синоним “народа” / “общины”» [19: 13]. «...Русская земля – это те различные народности, которые вошли в состав её населения, примкнули к русскому племени, стали под покровительство и защиту русского царя, полюбили свою русскую Родину и сознательно соединились с нами, как своеобразные части с своим целым», – писал один из церковных публицистов [15: 196]. Но, в первую очередь, отмечал тот же автор, Русская земля – это «энергия, это сила русского человека, накопленная веками и прилагаемая к созданию русского быта; это – тот мужик, тот барин, тот купец, мещанин, тот мастер и зодчий, тот воин и пахарь, словом, – тот русский богатырь, который другую тысячу лет без устали делает своё великое дело своими сохами и плугами, топорами и пилами, штыками и пушками, кораблями и железными дорогами, фабриками и заводами, пером и книгою и всякими другими приспособлениями. Русская земля – это русский ум, руководящий силою народною, это русский гений, своеобразный склад мыслей, своеобразное отношение к вещам, своеобразное творчество, проявляющееся в его культурном делании; это наши ученые, поэты, живописцы, ваятели, инженеры, техники, архитекторы, полководцы, правители и весь многочисленный сонм работников, наполнявших сокровищницу нашей культуры бесценными вкладами своей мысли от времен древних и до ныне» [15: 196].

Иногда, впрочем, представление о Русской земле сужалось до понятия о собственности русского народа. Так, например, известный архиерей, епископ Забайкальский и Нерчинский Мефодий (Герасимов), будущий митрополит Харбинский, в 1911 г. в одной из своих проповедей говорил: «Русская земля есть национальная собственность русского народа, а не какое-то общее достояние русских, евреев, бурят, черкесов и разных других народностей Русского государства, из коих иные о своих исторических и культурных заслугах могут только разве сказать, что у них было одно дело – пить, есть, спать да производить потомство. Русская земля есть наша земля, мы хозяева и господа этой земли, а не евреи, черкесы, армяне. Мы должны дать и другим национальностям; несправедливость унижает господствующую нацию и озлобляет подчиненные национальности. Но даем, кому хотим и сколько хотим, сообразно заслугам перед нами [той или иной] национальности. Русское государство есть единое живое политическое тело; душа этого тела русский народ, который своим потом, кровью создал Русское государство и одухотворил его своим религиозным и национально-культурным духом» [30: 519]. А другой, не менее известный церковный иерарх Андрей (Ухтомский), много

рассуждавший и писавший на тему русского национализма [13], в бытность епископом Уфимским заявлял: «Или русская земля, великая Россия, останется наша русская, – или она развалится...» [5: 200].

В этом плане «Русская земля» являлась совокупностью людей, разделяющих общие идеалы, обладающих внутренним единством и чувством соборности, способствующим выработке общих представлений и восприятия мира.

В связи с тем, что существование Русской земли напрямую связывалось с самосознанием населяющего его народа, церковные издания уделяли немало внимания национальному воспитанию своей паствы. Известный педагог С.И. Миропольский со страниц церковного издания призывал вспомнить идеал древнерусского воспитания, который видел в том, что оно было высокопатриотическим: «Русская земля являлась общею отчиною для всех сынов ее. Св. вера, язык, предания, быт все было общим для Руси» [22: 54]. Один из авторов «Владикавказских епархиальных ведомостей», рассуждая о необходимом для России школьном воспитании, ссылаясь на немецкого педагога А. Дистервега, утверждавшего, что школа должна заимствовать свои правила и законы от свойств народа и его истории, писал: «черты, характеризующие русского человека: преданность и покорность воле Божией, преданность и покорность воле царской, преданность Русской земле. Кто знаком с русскою историей, тому не трудно припомнить, как в русском народе проявлялись эти особенности. Некогда языческая Русь, сделавшись Святою Русью, с покорностью воле Божией переживала тяжелые годы татарского ига, междуцарствия т. п. С словами “за веру и отечество” вступали в битву со врагами наши предки; для защиты “веры православной и св. Руси” отдавали Минину все свое имущество граждане нижегородские; со словами “за Веру, Царя и Отечество” умер под ударами поляков костромской крестьянин Иван Сусанин; во имя веры православной на нашей памяти в 1877 году как один человек ополчилась Русская земля на защиту единоверных нам славян; как один человек вся Россия в 1894 году оплакивала преждевременную кончину Царя-Миротворца и проч. и проч. Таким образом и прошлая и настоящая жизнь русского народа свидетельствует, что Бог, царь и Русская земля – те силы, власть которых беспрекословно и беззаветно признавал и признает над собою русский народ, – те святыни, которыми дорожил и дорожит русский человек. Эти-то святыни он и желал бы вкоренить чрез воспитание и обучение и в сердцах своих детей» [2: 94–95].

Подводя итог, следует отметить, что в церковной публицистике Российской империи конца XIX – начала XX века концепт «Русская земля» занимал важное место, а его содержание отличалось весьма глубоким

смысловым наполнением. Для церковных авторов позднеимперской России это понятие в первую очередь означало пространство русского мира, т. е. территории, освященные православной верой; с русскими (в широком значении этого слова) самосознанием, духовностью и культурой. Абсолютно все авторы церковных изданий сходились в том, что идеал Русской земли, к которому она должна стремиться, – это Святая Русь, и что без православия не останется и русскости, ибо, отказавшись от истинной веры, русский народ перестанет быть богоносцем и потеряет моральное право на роль руководителя другими народностями, населяющими империю. Русская земля также воспринималась и как государственное понятие, однако практически всегда оно было шире политических границ Российской империи, так как включало в себя и территории, которые, по мнению авторов церковных изданий, в силу неблагоприятных исторических обстоятельств временно оказались под властью инославных монархов. При этом, в соответствии с церковным мировоззрением и обстоятельствами рассматриваемого периода, практически всегда подчеркивалось, что для свободной, органичной и угодной Богу жизни Русская земля должна управляться православным самодержцем – Помазанником Божиим, руководствующимся в своей государственной и политической деятельности церковными заветами. В то же время, концепт «Русская земля» также включал в себя всех русских людей, когда-либо живших на ней и внесших свой вклад в религиозную, культурную, государственную, военную, научную и прочие сферы деятельности русского мира. Таким образом, идея Русской земли имела в работах церковных авторов позднеимперской России сакральное, государственное, историческое и географическое измерение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Н. Религиозная вера как основное начало жизни русского народа // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1906. № 15. С. 392–400.*
2. *А. В-ский. Дух и характер церковных школ (Окончание) // Владикавказские епархиальные ведомости. 1896. № 6. С. 92–95.*
3. *Адамко Д.С. Коммуникативные значения составного наименования «Русская земля» // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума, Новозыбков, 17–20 мая 2022 г. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. С. 117–123.*
4. *Айвазов И. Кто такой Л. Толстой // Московские церковные ведомости. 1908. № 28. С. 709–714.*

5. *Андрей (Ухтомский)*. Письмо к русским воинам, православным, христолюбивым // Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 7–8. С. 199–201.
6. *Василик В.В.* Образ русской земли в Галицко-Волынской летописи // Русин. 2009. № 4 (18). С. 38–49.
7. Воззвание // Волынские епархиальные ведомости. 1891. № 31. С. 651–653.
8. *Волынец А.* Древнейшие памятники православия на Руси // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1909. № 10. С. 476–479.
9. *Голохвастов П.* Летописное начало земли крещение // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1888. № 23. С. 612–623.
10. *Давыдов В. свящ.* Промысл Божий в судьбах России // Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. № 21. С. 337–340.
11. *Е.С.* Прикарпатская Русь // Православная Подолия. 1915. № 2. С. 75–86.
12. *Ерофеева И.В.* Концепт «Русская земля» в современном медиадискурсе // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2–2. С. 48–50.
13. *Иванов А., Амбарцумов И.* Апология и критика русского национализма в публицистике епископа Андрея (Ухтомского) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 3. С. 255–283. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-3-255-283
14. *Иванов А.А.* Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019. № 58. С. 58–78. doi: 10.17223/18572685/58/5
15. *К.В.* Русская земля и война // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1914. № 33. С. 193–196.
16. *Кириленко С.А.* Становление концепции «Русская земля» в советской историографии второй половины 1940-х – начале 1950-х гг. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 8. С. 171–176.
17. *Котов А.Э.* «Наш родной Сион»: образ Киева на страницах консервативной печати 1860–1870-х гг. // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1 (20). С. 133–141. doi: 10.47132/2588-0276_2025_1_133
18. *Котов А.Э.* Национальный вопрос на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 206–219.
19. *Котов А.Э.* Образ «русского мира» в консервативном дискурсе второй половины XIX столетия: об одном из источников соловьевского «панмонголизма» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 12/2. С. 13–17. doi: 10.37882/2223-2982.2024.12-2.27
20. *Котышев Д.М.* «Русская земля» в первой половине XII в.: из наблюдений над текстом Ипатьевской летописи за 1110–1150 гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2006. № 7. С. 26–41.

21. М-в. Н. Святая Русь // Московские церковные ведомости. 1916. № 27–28. С. 380–384.
22. *Миропольский С.И.* Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. 1. От основания при св. Владимире до монгольского ига // Приложение к журналу «Церковные ведомости», издаваемые при Святейшем Синоде. СПб.: Синодальная типография, 1894. 62 с.
23. Народная мудрость // Вестник военного духовенства. 1897. № 23. С. 727–731.
24. *Неменский О.Б.* «Русская земля» как базовое понятие русской идентичности. За что сражались в Полтавской битве? // Информационные войны. 2012. № 1 (21). С. 66–69.
25. Один из трезвенников. О трезвости // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. 1915. № 1. С. 9–10.
26. *Островский Д.* Слово на 6-е мая – день рождения Государа Императора Николая Александровича // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 10. С. 389–392.
27. *Перевезенцев С.В.* «Русская земля» как важнейшая категория Русской духовно-политической мысли // Белоозеру Синеуса – 1160 лет: Материалы Международного научного форума, Липецк, 23–24 сентября 2022 г. / под ред. В.В. Фомина. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 151–163.
28. *Печенкина О.Ю.* Концепт Русская земля (Святая Русь) в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 225–230.
29. Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб.: Книгоиздательство «Друг народа», 1906. 80 с.
30. Речь Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мефодия епископа Забайкальского и Нерчинского к Епархиальному съезду духовенства и мирян // Забайкальские епархиальные ведомости. 1911. № 19–20. С. 503–529.
31. *Рукин Н.* Поучение в день празднования избавления г. Вологды от смертоносной язвы, бывшей в 1654 году // Вологодские епархиальные ведомости. 1889. № 21. С. 510–515.
32. *Рункевич С.* Великая отечественная война и церковная жизнь в 1914–1915 гг. // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 13. С. 360–365.
33. *Сковородников А.П., Севруженко Н.С.* «Русская земля» как нациообразующий концепт // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 30–46. doi: 10.17516/2311-3499-099
34. *Соколов Г.* Речь при открытии Братства Св. Равноапостольного Великого Князя Владимира в г. Екатеринославе 15-го июля // Екатеринославские епархиальные ведомости. 1888. № 16. С. 453–466.

35. Стогов Д.И. Русские консерваторы начала XX в. о Византии и византизме // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1 (20). С. 120–132. doi: 10.47132/2588-0276_2025_1_120

36. Трусовский И. Девятисотлетие крещения Руси // Могилевские епархиальные ведомости. 1888. № 13. С. 119–128.

37. Ужанков А.Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт Наследия, 2022. 212 с. doi: 10.34685/НИ.2022.86.40.004

38. Ужанков А.Н. Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI. 2005. № 5. С. 134–161.

39. Филипп, иеромонах. О любви к св. вере и родине // Черниговские епархиальные известия. 1910. № 22. С. 780–785.

40. Хитон Спасителя // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1913. № 30. С. 1202–1206.

41. Шавельский Г. Из боевой жизни 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. (Впечатления и заметки очевидца-священника) // Вестник военного духовенства. 1904. № 17. С. 522–527.

42. Юзефович М. Богдан Хмельницкий в Русской истории (По поводу сооружения ему памятника в Киеве) // Ярославские епархиальные ведомости. 1870. № 38. С. 308–310.

43. Kotov A.E., Kalinovsky V.V. The Problem of Nihilism on the Pages of the Regional Church Periodicals (based on the Materials of the Editions of the Taurian Diocese of the 1870–1890s) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 639–646. doi: 10.13187/bg.2018.2.639

REFERENCES

1. N. (1906) Religioznaya vera kak osnovnoe nachalo zhizni russkogo naroda [Religious faith as the main principle of life of the Russian people]. *Nizhegorodskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik*. 15. pp. 392–400

2. A. V–skiy (1896). Dukh i kharakter tserkovnykh shkol. (Okonchanie) [The Spirit and Character of Church Schools (Conclusion)]. *Vladikavkazskie eparkhial'nye vedomosti*. 6. pp. 92–95.

3. Adamko, D.S. (2022) Kommunikativnye znacheniya sostavnogo naimenovaniya “Russkaya zemlya” [Communicative meanings of the compound name “Russian land”]. *Russkie traditsii bytovoy lingvokul'tury v slavyanskom pogranich'e* [Russian traditions of everyday linguistic culture in the Slavic borderland]. Proc. of the International Forum. Novozybkov, May 17–20, 2022. Bryansk: BSU. pp. 117–123.

4. Ayvazov, I. (1908) Kto takoy L. Tolstoy [Who is Leo Tolstoy]. *Moskovskie tserkovnye vedomosti*. 28. pp. 709–714.

5. Andrey (Ukhtomskiy). (1917) Pis'mo k russkim voynom, pravoslavnyim, khristolyubivym [Letter to Russian soldiers, Orthodox, Christ-loving]. *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti*. 7–8. pp. 199–201.

6. Vasilik, V.V. (2009) Obraz russkoy zemli v Galitsko-Volynskoy letopisi [The Image of the Russian Land in the Galicia-Volyn Chronicle]. *Rusin*. 4(18). pp. 38–49.

7. Anon. (1891) Vozzvanie [Appeal]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 31. pp. 651–653.

8. Volynets, A. (1909) Drevneyshie pamyatniki pravoslaviya na Rusi [The oldest monuments of Orthodoxy in Rus']. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshem Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 10. pp. 476–479.

9. Golokhvastov, P. (1888) Letopisnoe nachalo zemli kreshchenie [Chronicle of the beginning of the earth baptism]. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshem Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 23. pp. 612–623.

10. Davydov, V. (1914) Promysl Bozhii v sud'bakh Rossii [God's Providence in the Destinies of Russia]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. pp. 337–340.

11. E.S. (1915) Prikarpatskaya Rus' [Carpathian Rus']. *Pravoslavnaya Podoliya*. 2. pp. 75–86.

12. Erofeeva, I.V. (2009) Kontsept “Russkaya zemlya” v sovremennom mediadiskurse [The concept of “Russian land” in modern media discourse]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2–2. pp. 48–50.

13. Ivanov, A. & Ambartsumov, I. (2020) Apologiya i kritika russkogo natsionalizma v publitsistike episkopa Andrey (Ukhtomskogo) [Apologia and Criticism of Russian Nationalism in the Journalistic Writings by Bishop Andrey (Ukhtomsky)]. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 38(3). pp. 255–283. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-3-255-283

14. Ivanov, A.A. (2019) Problems of Russian nationalism in papers and sermons of metropolitan Anthony (Khrapovitsky)]. *Rusin*. 58. pp. 58–78 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/58/5

15. K.V. (1914) Russkaya zemlya i voyna [Russian land and war]. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshem Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 33. pp. 193–196.

16. Kirilenko, S.A. (2017) Stanovlenie kontseptsii “Russkaya zemlya” v sovetskoy istoriografii vtoroy poloviny 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [The formation of the concept of “Russian land” in Soviet historiography in the second half of the 1940s – early 1950s.]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 8. pp. 171–176.

17. Kotov, A.E. (2025) “Nash rodnoy Sion”: obraz Kieva na stranitsakh konservativnoy pechati 1860–1870-kh gg. [“Our Native Zion”: The Image of Kyiv on the Pages of the Conservative Press of the 1860s–1870s]. *Russian-Byzantine Herald*. 1(20). pp.133–141. doi: 10.47132/2588-0276_2025_1_133

18. Kotov, A.E. (2020) Natsional'nyy vopros na stranitsakh "Litovskikh eparkhial'nykh vedomostey" [The National Question as Covered in "Lithuanian Diocesan Bulletin" in 1860–1890 Years]. *Tetradi po konservatizmu*. 1. pp. 206–219.

19. Kotov, A.E. (2024) Obraz "russkogo mira" v konservativnom diskurse vtoroy poloviny XIX stoletiya: ob odnom iz istochnikov solov'evskogo "panmongolizma" [The image of the "Russian world" in the conservative discourse of the second half of the 19th century: On one of the sources of Solovyev's "panmongolism"]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 12/2. pp. 13–17. doi: 10.37882/2223–2982.2024.12–2.27

20. Kotyshev, D.M. (2006) "Russkaya zemlya" v pervoy polovine XII v.: iz nablyudeniy nad tekstem Ipat'evskoy letopisi za 1110–1150 gg. [Russkaya Zemlya in the first half of the XII century: observations of the text of Ipatievo Annals 1110-1150]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. 7. pp. 26–41.

21. M-v. N. (1916) Svyataya Rus' [Holy Russia]. *Moskovskie tserkovnye vedomosti*. 27–28. pp. 380–384.

22. Miropolskiy, S.I. (1894) Ocherk istorii tserkovno-prikhodskoy shkoly ot pervogo ee vozniknoveniya na Rusi do nastoyashchego vremeni. Vyp. 1. Ot osnovaniya pri sv. Vladimire do mongol'skogo iga [An essay on the history of the church parish school from its first appearance in Rus' to the present day. Issue 1. From the foundation under St. Vladimir to the Mongol yoke]. *Prilozhenie k zhurnal "Tserkovnye vedomosti", izdavaemye pri Svyateyshem Sinode*. St. Petersburg: Synodal Printing House.

23. Anon. (1897) Narodnaya mudrost' [Folk wisdom]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*. 23. pp. 727–731.

24. Nemenskiy, O.B. (2012) "Russkaya zemlya" kak bazovoe ponyatie russkoy identichnosti. Za chto srazhalis' v Poltavskoy bitve? ["Russian land" as the basic concept of Russian identity. What did they fight for in the battle of Poltava?]. *Informatsionnye voyny*. 1(21). pp. 66–69.

25. Odin iz trezvennikov. (1915) O trezvosti [About sobriety]. *Vestnik Vilenskogo pravoslavnogo Svyato-Dukhovskogo bratstva*. 1. pp. 9–10.

26. Ostrovskiy, D. (1906) Slovo na 6-e maya – den' rozhdeniya Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Speech for May 6th – the birthday of Emperor Nicholas Alexandrovich]. *Olonetskie eparkhial'nye vedomosti*. 10. pp. 389–392.

27. Perevezentsev, S.V. (2022) "Russkaya zemlya" kak vazhneyshaya kategoriya Russkoy dukhovno-politicheskoy mysli ["Russian land" as the most important category of Russian spiritual and political thought]. In: Fomin, V.V. (ed.) *Beloozeru Sineusa – 1160 let* [Beloozero Sineusa is 1160 years old]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 151–163.

28. Pechenkina, O.Yu. (2017) Kontsept Russkaya zemlya (Svyataya Rus') v romane A.K. Tolstogo "Knyaz' Serebryanny" [The concept of the Russian land (Holy Rus') in the novel "Prince Serebrenni" by Aleksey K. Tolstoy]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(33). pp. 225–230.

29. [Nicholas II]. (1906) *Polnoe sobranie rechey imperatora Nikolaya II. 1894–1906* [Complete Collection of Speeches of Emperor Nicholas II. 1894–1906]. St. Petersburg: Drug naroda.

30. [Mefodiy]. (1911) Rech' Ego Preosvyashchenstva, Preosvyashchenneyshego Mefodiya episkopa Zabaykal'skogo i Nerchinskogo k Eparkhial'nomu s"ezdu dukhovenstva i miryan [Speech of His Grace, Most Reverend Methodius, Bishop of Transbaikal and Nerchinsk to the Diocesan Congress of Clergy and Laity]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. 19–20. pp. 503–529.

31. Rukin, N. (1889) Pouchenie v den' prazdnovaniya izbavleniya g. Vologdy ot smertonosnoy yazvy, byvshey v 1654 godu [Sermon on the day of celebration of the deliverance of the city of Vologda from the deadly plague that occurred in 1654]. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. pp. 510–515.

32. Runkevich, S. (1916) Velikaya otechestvennaya voyna i tserkovnaya zhizn' v 1914–1915 gg. [The Great Patriotic War and Church Life in 1914–1915]. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshem Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 13. pp. 360–365.

33. Skovorodnikov, A.P. & Sevruzhenko, N.S. (2020) "Russkaya zemlya" kak natsieobrazuyushchiy kontsept ["Russian land" as a nation forming concept]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 1. pp. 30–46. doi: 10.17516/2311-3499-099

34. Sokolov, G. (1888) Rech' pri otkrytii Bratstva Sv. Ravnoapostol'nogo Velikogo Knyazya Vladimira v g. Ekaterinoslave 15-go iyulya [Speech at the opening of the Brotherhood of the Holy Equal-to-the-Apostles Grand Duke Vladimir in the city of Yekaterinoslav on July 15]. *Ekaterinoslavskie eparkhial'nye vedomosti*. 16. pp. 453–466.

35. Stogov, D.I. (2025) Russkie konservatory nachala XX v. o Vizantii i vizantizme [Russian Conservatives at the Beginning of the 20th Century about Byzantium and Byzantism]. *Russian-Byzantine Herald*. 1(20). pp. 120–132. doi: 10.47132/2588-0276_2025_1_120

36. Truskovskiy, I. (1888) Devyatisotletie kreshcheniya Rusi [Nine hundredth anniversary of the baptism of Rus]. *Mogilevskie eparkhial'nye vedomosti*. 13. pp. 119–128.

37. Uzhankov, A.N. (2022) *Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [The World Picture of an Old Russian Scribe. Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow: Institut Naslediya. doi: 10.34685/NI.2022.86.40.004.

38. Uzhankov, A.N. (2005) Kontsepty "Rus" i "Russkaya zemlya" v mirovozzrenii drevnerusskikh knizhnikov XI–XV vv. [The concepts of "Rus" and "Russian land"

in the worldview of ancient Russian scribes of the 11th–15th centuries]. *Russia XXI*. 5. pp. 134–161.

39. Filipp. (1910) O lyubvi k sv. vere i rodine [About love for the holy faith and homeland]. *Chernigovskie eparkhial'nye izvestiya*. 22. pp. 780–785.

40. Anon. (1913) Khiton Spasitelya [The Savior's Tunic]. *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Svyateyshe Pravitel'stvuyushchem Sinode*. 30. pp. 1202–1206.

41. Shavelskiy, G. (1904) Iz boevoy zhizni 33-go Vostochno-Sibirskogo strelkovogo polka. (Vpechatleniya i zametki ochevidtsa-svyashchennika) [From the combat life of the 33rd East Siberian Rifle Regiment. (Impressions and notes of an eyewitness priest)]. *Vestnik voennogo dukhovenstva*. 17. pp. 522–527.

42. Yuzefovich, M. (1870) Bogdan Khmel'nitskiy v Russkoy istorii. (Po povodu sooruzheniya emu pamyatnika v Kieve) [Bohdan Khmelnytsky in Russian history. (On the construction of a monument to him in Kyiv)]. *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti*. 38. pp. 308–310.

43. Kotov, A.E. & Kalinovsky, V.V. (2018) The Problem of Nihilism on the Pages of the Regional Church Periodicals (based on the Materials of the Editions of the Taurian Diocese of the 1870–1890s). *Bylye Gody*. 48(2). pp. 639–646. doi: 10.13187/bg.2018.2.639

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

Andrei A. Ivanov – St. Petersburg State University (Russia)

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru